

и другими, критик подробно разбирает и недостатки книг этих писателей, недостатки, проявившиеся в облегченном решении поначалу остро поставленных конфликтов, в слабой психологической мотивированности поступков героев, в узости тематики, в неумении таджикских прозаиков в должной мере опереться на традиции героико-романтического эпоса, являющегося с точки зрения критика од-

ним из тех неиссякаемых источников, которые питают таджикскую реалистическую прозу, начиная с «Одины» С. Айни.

Работа критика проникнута благородной заботой об усилении общественного содержания литературы, и именно это помогает ему в поисках новых путей исследования современного литературного процесса.

З. ОСМАНОВА

ПОВЕСТЬ О СУМАРОКОВЕ*

Жизнь А. П. Сумарокова не была богата внешне значительными событиями и обстоятельствами, поэтому повесть о его жизни нелегко сделать увлекательной. Однако «Забывтая слава» А. Западова написана именно как увлекательная повесть, которую с интересом прочтут многие читатели.

Биографический жанр требует от автора верного воспроизведения исторической действительности вне зависимости от того, идет ли речь о давно минувших или более близких к нам событиях. Особенно ответственна задача воспроизведения характеров исторически реальных людей, живших и действовавших не в заданных, а во вполне определенных условиях своей эпохи. Здесь автору нужно обладать поистине тонким чутьем и отменным чувством меры, чтобы суметь верно сочетать художественный вымысел с жизненной правдой.

Достоинства книги А. Западова как раз и заключаются в том, что в ней верно воспроизведены историческая эпоха и характеры героев, и в

первую очередь характер главного героя — Сумарокова.

Автор повести не приукрашивает историческую действительность, не стремится приукрасить и своего героя. Сумароков предстает в повести таким, каким он известен нам по дошедшим подлинным, исторически достоверным материалам и документам, воспоминаниям современников и, конечно, каким он вырисовывается из своего многогранного и обширного творческого наследия.

Сумароков в повести — вечно мятущийся, беспокойный художник, для которого литература была не просто ремеслом, а мучительной страстью и жизненной необходимостью. Одержимость, неподкупная совесть, болезненно чувствительное самомнение, ревность к успехам собратьев по перу — Третьяковскому и Ломоносову, — беспокойный и неуживчивый нрав и вдобавок к тому неравнодушие к горячительным напиткам — все это, вполне понятно, усложняло жизнь талантливого писателя и не могло не навлечь на него многочисленных невзгод, трагически оборвавших его жизнь.

* А. Западов, *Забывтая слава*. Историческая повесть, «Советский писатель», М. 1965, 352 стр.

В повести с большой правдоподобностью раскрыты не только характерные черты личности писателя, но и его духовный, идейный облик. А. Западов верно характеризует Сумарокова как сына своего класса и самодержавно-крепостнической эпохи. Мировоззрение Сумарокова было противоречивым. Но были принципы, которых он неизменно придерживался всю свою жизнь. Сумароков твердо верил, что литература должна исправлять нравы и просвещать народ. С молодых лет посвятил он себя литературной деятельности, являясь в этом отношении первым писателем-дворянином, для которого литература была основным делом жизни.

Он был безоговорочным сторонником так называемого «просвещенного абсолютизма» и в своих произведениях осуждал деспотизм и своеволие, призывая самодержцев быть гуманными и справедливыми. Однако, понимая утопичность такого рода призывов и увещаний, Сумароков, как известно, считал, что самодержавие в России должно быть ограничено Государственным советом из лучших представителей родовитой знати.

В повести показано, как Сумароков неизменно стремился увязывать свое творчество с общественно-политическими идеалами. Какими бы абстрактными ни казались трагедии Сумарокова, какие бы отдаленные события в них ни затрагивались, они неизменно отражали те или иные актуальные проблемы российской действительности и имели целью воздействовать на нее, восхвалять «святую» добродетель, «чинить нравы», осуждать пороки и недостатки современного ему общества и государственного строя.

В своих многочисленных сатирах, баснях, притчах он зло бичевал по-

рочные нравы дворянства, не давал спуску «крапивному семени» — «подьячим», как именовал народ царских чиновников, осуждал бюрократизм, взяточничество, стяжательство, что делало весьма значительным общественное звучание его творчества.

Двойственным, как показано и в книге, было отношение писателя к крепостному праву. Не раз высказывая мысль о том, что все люди — и царь, и последний пастух — рождаются равными, Сумароков вместе с тем признавал незыблемым крепостное право и со страстью, достойной лучшего применения, выступал в его защиту. Отмену рабства он рассматривал как некое «светопреставление». С другой стороны, это не мешало ему осуждать крайности крепостного права. Как справедливо пишет А. Западов, Сумароков, будучи художником, отражавшим в своем творчестве важнейшие философские и общественные вопросы, много думал о будущем родины и русского народа, и здесь он также стал выше своих дворянских, узкословных интересов и предрассудков. Будущее России он рисует в утопии «Сон — счастливое общество» (1759) как некое идеальное общественное устройство, в котором нет деспотической власти, нет чиновников — взяточников и насильников, купцов — обманщиков и хапуг, грубых и невежественных церковнослужителей, — словом, как страну, где царят мир, справедливость и благоденствие. Но за такой идеал надо было бороться, а Сумароков не был закален для борьбы, да и противники рисовались ему неясно.

Есть в повести А. Западова, однако, и некоторые натяжки. Так, у читателя может сложиться впечатление, что Екатерина II решила свергнуть с престола своего мужа Петра III и «привести в порядок королевство»,

руководствуясь зажигательными тираноборческими монологами героев трагедии Сумарокова «Гамлет» (стр. 114).

Вряд ли также стал бы мотивировать Сумароков в разговоре с секретарем императрицы Козицким свой отказ сотрудничать в издаваемом Екатериной II сатирическом журнале «Всякая всячина» (1769) тем, что он свое перо не в чернила, а в желчь

окунает... (стр. 294). Надуманными представляются нам глубокомысленные ученые беседы, которые якобы вел Сумароков со своей женой. Но, к счастью, таких натяжек в повести немного.

В целом же А. Западов верно воспроизвел черты давно минувшей исторической эпохи.

Л. СВЕТЛОВ

РОМАНТИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ *

Перед нами книга Эмилио Карилья «Романтизм в Испанской Америке» — первое вышедшее в переводе на русский язык исследование литературного процесса в континентальном масштабе. Изучение литературного движения XIX столетия в Латинской Америке интересно для нас и само по себе, и из-за тех связей, которые уже тогда существовали между латиноамериканскими и русской литературами. Уже в конце 20-х — начале 30-х годов в России появляются первые заметки, знакомящие русского читателя с бразильской литературой. Несколько позже Пушкин перевел стихи Гонзага, а Белинский в «Телескопе» опубликовал статью, содержащую обзор бразильской литературы за четыре столетия. Во второй половине XIX века интерес к литературе Латинской Америки в России еще более возрос. Отражением этого возросшего интереса явилось опубликование в переводе на русский язык романа «Амалия» одного из самых крупных аргентинских романтиков Хосе Мармоля¹.

Изучение испаноамериканской литературы XIX века имеет, на наш взгляд, особое значение еще и потому, что именно в нее уходят корни современной литературы. И чтобы разобраться в пестрой, противоречивой, многоплановой литературе наших дней, крайне полезно обратиться к прошлому веку.

Свое исследование литературы латиноамериканских стран автор ведет на широком историческом и социальном фоне. XIX век — век романтизма. Он сыграл в Латинской Америке особую роль, будучи в значительной степени выражением протеста против длительного духовного господства испанизма. Э. Карилья в своей работе подчеркивает историческую обусловленность этого течения в эпоху, когда Латинская Америка освободилась от испанского колониального ига и вступила на путь национальной независимости. Э. Карилья указывает на романтические черты в биографиях исторических деятелей и поэтов, ищет романтику в самой жизни, чтобы понять романтизм в литературе. Внимательный взгляд историка останавливается и на таких жанрах, которые, к сожалению, зачастую остаются вне поля зрения историков ли-

* Эмилио Карилья, Романтизм в Испанской Америке, «Прогресс», М. 1965, 470 стр.

¹ См.: Л. А. Шур, Россия и Латинская Америка, «Мысль», М. 1964.